

Жун Сынянь слегка сжал пальцы, и кровь потекла быстрее. Перед ним стоял на удивление искренний, совершенно беззащитный маленький вампир. Охотничьи инстинкты, присущие его древней крови, едва не вырвались из-под контроля; в глазах Принца на мгновение вспыхнул алый огонь, но он тут же подавил этот порыв.

— Какой же ты послушный, — усмехнулся он. Его пальцы, точно нежные путы, коснулись подбородка юноши, готовые в любой момент зафиксировать свою добычу.

Кончиками пальцев он едва ощутимо провел по острым клыкам Линь И.

— Это твоя награда.

Линь И не заставил себя ждать. Издав довольный звук «ав», он ухватил зубами запястье Жун Сыняня. Острые клыки, заметно подросшие за время пробуждения, легко прокололи кожу, вызывая давно забытое чувство боли. Однако Принц лишь опустил взгляд, словно вовсе не замечая этого.

Свободной рукой он мягко коснулся загривка юноши.

— Три глотка, Линь И. Не пей слишком много.

Тот послушно кивнул. Проявив недюжинную выдержку, он сделал ровно три небольших глотка, а закончив, не удержался и ласково лизнул ранку на запястье покровителя. Жун Сынянь тут же отвел руку.

У вампиров инстинктлизывать раны после трапезы служит для исцеления добычи, но Принцу еще никогда не доводилось самому быть чьей-то добычей. Это новое ощущение застало его врасплох, и он почувствовал легкую неловкость.

— Я сам восстановлюсь, — мягко отказался он.

Линь И кивнул. Чувство глубокого удовлетворения и сытости мгновенно разлилось по телу, заставив его сладко зевнуть. Жун Сынянь, глядя на то, как разомлевшего от крови птенца начинает клонить в сон, произнес:

— Потерпи немного. Поспишь, когда вернемся.

Юноша изо всех сил постарался кивнуть в знак согласия. Однако кровь Принца подействовала с невероятной скоростью: стоило Жун Сыняню выйти из комнаты, чтобы переговорить с Лэ Чэнхуном, как Линь И уже провалился в глубокий сон прямо на постели.

В соседней комнате Лэ Чэнхун, прижавшийся ухом к дверному полотну, едва не оглох от резкого стука. Он поспешно выпрямился, потер ухо и, стараясь сохранять невозмутимый вид, распахнул дверь.

— Ну как всё прошло?

Жун Сынянь протянул ему ключи. На его лице читалось редкое, почти непривычное удовлетворение. Лэ Чэнхун принял их, но тут же уловил в воздухе необычный запах.

— Ты ранен? — изумился он.

Ранка уже затянулась, но аромат свежей крови еще не успел развеяться. Жун Сынянь небрежно бросил взгляд на свое запястье:

— Сам порезался.

Лицо Лэ Чэнхуна приняло весьма странное выражение. Если бы Цзянь Линь ранил Жун Сыняня, это было бы удивительно, но высший вампир, добровольно пускающий себе кровь... В этом нормальности было еще меньше. Впрочем, он благоразумно предпочел не расспрашивать.

— Я забираю его, — коротко бросил Жун Сынянь.

— Идите, идите, — Лэ Чэнхун поспешил отогнать лишние мысли. — Малыш такой славный... Только не будь с ним слишком суров, когда вернетесь.

Принц на мгновение замер, вспоминая недавний вид подопечного.

— Он и вправду очень послушный, — многозначительно произнес он.

Вернувшись в комнату, он обнаружил Линь И, который спал без задних ног, обнимая подушку. Жун Сынянь невольно усмехнулся. Он наклонился, чтобы поднять его на руки; Линь И, точно учуявший лакомство щенок, во сне прижался к нему и легонько прикусил его шею.

Пробуждающийся вампир инстинктивно ищет источник силы, но из-за иерархического давления никто и никогда не осмеливался покуситься на Жун Сыняня. Похоже, у полукровок в период пробуждения импульсы проявлялись куда ярче и необузданнее.

Принц лениво подумал об этом, никак не реагируя на то, что Линь И вцепился зубами в его яремную вену. Напротив, он даже чуть наклонил голову, чтобы юноше было удобнее. Тот лишь тихонько потерся носом о его шею.

На следующее утро Линь И проснулся в своей привычной постели. Он лениво зевнул, потянулся всем телом, точно морской котик, и весело похлопал ладонями по матрасу. Спустя пару минут в дверь постучали.

— Сим-сим, откройся! — негромко пропел юноша.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял Жун Сынянь и смотрел на него с легким обречением. На нем — редкое зрелище — был надет кухонный фартук. Очевидно, он пришел сразу, как только услышал возню в комнате.

«Ой»

Линь И кубарем пролетел по кровати, остановившись у самого края, поближе к покровителю. Он задрал голову, во все глаза глядя на него:

— Фартук?

Принц некоторое время смотрел в ответ, находя позу и вид Линь И необычайно трогательными. Заметив любопытство в глазах юноши, он пояснил:

— У полукровок есть человеческие гены. Если твой организм еще способен принимать обычную пищу, лучше не морить себя голодом.

Он остался стоять в дверях, проявляя сдержанность. Острое вампирское обоняние подсказывало ему, что от одежды пахнет кухонным чадом, и он просто не удержался, заглянув в комнату сразу после готовки.

— Вставай, — сказал Жун Сынянь. — А я пойду приму душ.

«Душ?»

Линь И склонил голову набок. С его нынешним зрением он легко заметил, какими пушистыми кажутся волосы Принца. Он помнил, что тот всегда принимал душ по утрам — раньше Линь И часто слышал шум воды за стеной!

Он замахал руками, пытаясь остановить его, и требовательно потянулся за объятиями. Покровитель вздохнул еще обреченнее и честно признался:

— От меня пахнет маслом и дымом.

Линь И перекатился, принимая сидячее положение, спрыгнул с кровати и, подбежав к мужчине, глубоко вдохнул воздух рядом с ним. Жун Сынянь буквально окаменел. За всю свою бесконечную жизнь он почти не знал, что такое раскаяние, но сейчас с бесстрастным лицом подумал:

«Определенно стоило сначала вымыться»

Линь И поднял голову и озадаченно посмотрел на него:

— Но ведь пахнет очень вкусно!

Запахом крови! Самым сладким ароматом на свете!

Жун Сынянь окинул его долгим взглядом, не понимая, имеет ли юноша в виду запах еды или его собственную кровь. В любом случае, вид у подопечного был крайне голодный. Принц развязал бант фартука за спиной и направился к своей комнате.

— Ладно, — бросил он, открывая дверь. — Иди ешь.

Две тонкие черные завязки соскользнули с его талии и повисли по бокам, покачиваясь при ходьбе точно кошачья дразнилка. Линь И невольно проводил их взглядом, его алые глаза следили за ними с сосредоточенностью хищника. В следующее мгновение дверь захлопнулась — Жун Сынянь ушел.

Линь И так и не успел их потрогать. С легким вздохом он пошлепал в пушистых тапочках умыться, а через несколько минут уже сидел за столом. Перед ним стоял легкий завтрак на одну персону: порция нежной рисовой каши с морепродуктами, мясом и яйцом. Выглядело это очень полезно и вполне соответствовало человеческому рациону. Аромат еды по-прежнему будоражил вкусовые рецепторы.

Юноша с некоторым запозданием осознал: став полукровкой, он, кажется, превратился в настоящего обжору. Но была и другая, более тревожная мысль. Сидя за столом, Линь И медленно прокручивал в голове свое недавнее поведение. Он заметил, что в этом мире его действия часто опережают любые расчеты.

Система 999 называла это «влиянием вампирских инстинктов». Линь И прилег на стол, чтобы обсудить это с ней.

«Почему я потянулся к нему за объятиями? — Линь И был предельно серьезен. — Я просил об этом лишь однажды, когда только сошел с конвейера, и то потому, что считал это базовым правилом вежливости у людей»

Тогда он был совсем крошечным, и когда Главный Бог решил его обнять, то просто поднял его

на ладонях. Система 999 на мгновение замолчала. Она даже на миг усомнилась: в какой же обстановке раньше работал её подопечный?

«Черт, даже завидно немного...»

Не дождавшись ответа от 999, юноша запутался в своих размышлениях еще сильнее. Вскоре появился Жун Сынянь. От него веяло свежестью и водяным паром. Заметив, что подопечный ест медленно, он не стал его торопить; он просто подошел и обнял его сзади.

Линь И поднял на него взгляд.

— Разве ты не хотел объятий? — спросил Принц.

Неужели этот ребенок так быстро передумал?

От него исходил тонкий, приятный аромат. В этих объятиях со спины Линь И почувствовал себя так, словно его целиком окутало невидимое благоухающее облако.

— А почему я только что просил обнять меня? — тихо спросил он.

Жун Сынянь не ожидал, что юноша так быстро это осознает. Он немного растерялся. Обычно птенцы, находясь в периоде пробуждения, осознают подобные вещи гораздо позже, уже став зрелыми особями.

— Пробуждающиеся птенцы испытывают к старшим — к высшим вампирам — особую привязанность, — объяснил он. — С одной стороны, этот инстинкт укрепляет связь с покровителем, обеспечивая им больше защиты. С другой стороны, в это время малыши действительно очень уязвимы и остро нуждаются в эмоциональной близости.

Линь И задумчиво кивнул.

— Значит, тот птенец, которого ты спас... Он тоже так сильно зависит от старейшины, который его растит, по этой же причине?

— Я никого не спасал, — терпеливо поправил Принц в который раз. — И насколько же сильно он зависит?

Линь И посмотрел на себя, потом на Жун Сыняня и объективно оценил:

— Даже чуточку сильнее, чем я от тебя.

— Вот как, — протянул тот. — Похоже, причина именно в этом.

Жун Сынянь заметил, что Линь И проявляет к тому птенцу необычайный интерес. Малыш воспитывался у старейшин, с которыми Принц контактировал редко, а вот Лэ Чэнхун в последнее время так часто бывал в Совете старейшин, что наверняка что-то знал. Списав это на естественное любопытство между сверстниками, Жун Сынянь пригласил Лэ Чэнхуна к себе, чтобы тот удовлетворил жажду знаний юноши.

Тем временем Лэ Чэнхун, только что закончивший инспекцию хранилища, тащил охапку вещей. Уходя, он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает из зарослей. Обернувшись, он встретился взглядом с птенцом, который прятался среди деревьев и выглядел крайне робким. Вампир его узнал. Заметив, что тот наблюдает за ним издали, он приветливо помахал рукой.

Хань Цин некоторое время изучал его и, убедившись в отсутствии злых намерений, осторожно вышел из тени деревьев. Лэ Чэнхун внимательно осмотрел птенца и, заметив его не до конца зажившие раны, удивился:

— Всё еще не поправился?

С того происшествия в караване прошло уже дней девять. Пусть способности к регенерации у птенцов невысоки, но перед ним был птенец высокого ранга — не дело ему до сих пор ходить с гипсом. Услышав это, Хань Цин попытался спрятать руку за спину.

Лэ Чэнхун понял, что его бестактность могла обидеть малыша. Он неловко улыбнулся и принялся рыться в вещах, которые нес. Скрепя сердце, он выудил из своей добычи один плод.

— На, держи, — протянул он.

Это был особый фрукт. Хань Цин вспомнил, как несколько дней назад старейшина, видя, что его раны заживают медленно, сокрушался и гадал, где бы раздобыть такой плод. Но, судя по виду старика, найти его было задачей почти невыполнимой.

— Это... вы просто отдаете его мне? — нерешительно спросил он.

Лэ Чэнхун махнул рукой:

— Бери-бери.

Он отвернулся с таким видом, будто у него сердце кровью обливается, и принялся уговаривать себя: «Ладно, от него будет прок только такому малышу, а для меня это так, баловство, просто

вкус потешить».

За его спиной Хань Цин сжимал фрукт, и на его лице сияла радость. Увидев, что Лэ Чэнхун собирается уходить, он окликнул его:

— Пойдите!

Тот обернулся с некоторым удивлением. Он знал, что этот пленец сторонится окружающих и доверяет только своему опеку-старейшине.

— Что такое?

— Несколько дней назад, — Хань Цин понизил голос, — мне показалось, что в хранилище был кто-то еще.

Словно боясь, что его поймут превратно, он поспешно добавил:

— Администратор был на месте, но я почувствовал чужой запах. И видел чью-то тень внутри.

«Кто-то еще?»

Лэ Чэнхун припомнил свой прошлый визит — он чувствовал запахи только их компании...

— А-а-а, — он вдруг рассмеялся. — Не беспокойся, это просто Цзянь Линь там прятался.

Так вот где Линь И скрывался всё это время! Интересно, знает ли об этом Жун Сынянь? Нужно поскорее вернуться и подколоть его.

«Цзянь Линь?»

Хань Цин слышал это имя от старейшин. Кажется, речь шла о полукровке. О полукровке, которого воспитывает сам Принц...

Хань Цин молча смотрел вслед поспешно уходящему Лэ Чэнхуну. Спустя мгновение его нашел старейшина.

— Ты чего здесь?

Заметив в его руках плод, старейшина изумился:

— Неужели ты всё-таки дождался Жун Сыняня?

Он принялся к воздуху и пробормотал себе под нос:

— Запах Лэ Чэнхуна... Впрочем, не велика разница.

Хань Цин помнил их обоих: тогда, в караване, этот вампир казался самым близким к Принцу человеком. Старейшина с улыбкой погладил мальчика по голове:

— Умница ты мой. С этим плодом твое пробуждение пойдет куда быстрее.

Хань Цин кивнул.

— В следующий раз я обязательно его поблагодарю.

Получив сообщение от Жун Сыняня, Лэ Чэнхун с чувством выполненного долга оставил вещи дома и отправился в путь. Он редко бывал в роскошных апартаментах Принца не по работе, но на этот раз добрался на удивление быстро. Однако, стоило ему увидеть Жун Сыняня в фартуке, как в голове у него наступила полная пустота. Он напрочь забыл о своем намерении посмеяться над ним.

— Ты... — Лэ Чэнхун запнулся на полуслове. — Неужели Клан крови на грани вымирания, и тебе приходится подрабатывать кондитером?

Тот с бесстрастным лицом смерил его взглядом:

— Цзянь Линь захотел печенья.

Гость знал, что за свою долгую жизнь Принц освоил немало навыков, чтобы разогнать скуку. Но он и понятия не имел, что тот умеет печь печенье! Да еще и «маленькое печенье»?!

В состоянии легкого транса он прошел в гостиную и увидел Линь И, который смирно сидел на диване, обнимая пакет с кровью. Тот покачивал вытянутыми ногами, но, заметив гостя, вежливо их подобрал:

— Ты пришел!

Юноша держался так естественно, будто Лэ Чэнхун зря поднимает шум. Тот ошарашенно кивнул:

— Да, пришел...

Линь И сейчас был в фазе активного роста, и Жун Сынянь, казалось, задался целью удовлетворить все его прихоти. Под пристальным взглядом Лэ Чэнхуна юноша почувствовал легкое смущение. Хозяин дома уселся в кресло, бросил взгляд на высокую фигуру Жун Сыняня, хлопочущего на кухне, и снова посмотрел на Линь И.

«Что вообще происходит?»

Он ведь буквально на шею ему сел! И Жун Сынянь еще боится, как бы тот не упал. Разве за побег из дома не полагается сначала хорошая взбучка? Или он попал в какую-то временную петлю, и это не второй день после возвращения Цзянь Линя, а двухсотый?

Пока в голове Лэ Чэнхуна царил хаос, подошел Принц и поставил на стол фарфоровую тарелку. В тишине раздался отчетливый, мелодичный звон. Лэ Чэнхун пришел в себя. Он кашлянул и, поймав на себе выжидающий взгляд Линь И, вспомнил о цели своего визита:

— Гхм... Так ты хотел узнать о Хань Цине? Что именно тебя интересует?

— Всё что угодно, — ответил Линь И.

— Способности у него неплохие. Какое-то время он провел у старейшин и даже помог всем найти сбежавших птенцов, чем сэкономил нам кучу сил, — Лэ Чэнхун вспомнил сегодняшнюю встречу. — Только вот странно, почему его раны так долго не заживают. Сегодня я его встретил и угостил целебным плодом.

По идее, птенцы высокого ранга не должны восстанавливаться так медленно. Жун Сынянь заметил, что Лэ Чэнхун намеренно обошел тему происхождения, и перевел взгляд на Линь И. Он увидел, что тот, кажется, вовсе не слушает суть рассказа. Юноша словно впал в ступор.

Принц нахмурился. А Лэ Чэнхун продолжал болтать:

— Тот фрукт и вправду очень вкусный, Жун Сынянь тебе такой давал? О, кстати, надо было дать Хань Цину два, он ведь сейчас живет вместе с тем самым птенцом.

«Что?!»

Линь И потрясённо уставился на Лэ Чэнхуна. Это совершенно не состыковывалось с Мировой линией! Того птенца должна была подобрать героиня, чтобы в будущем он стал соперником и врагом главного героя! Почему же его забрали к старейшинам?

«О боже... Почему Мировая линия снова пошла наперекосяк?!»

<http://bllate.org/book/15362/1428898>